

ПРИНЦИП ВЗАИМНОСТИ ПРИ ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Алимов Акбар Анвар угли

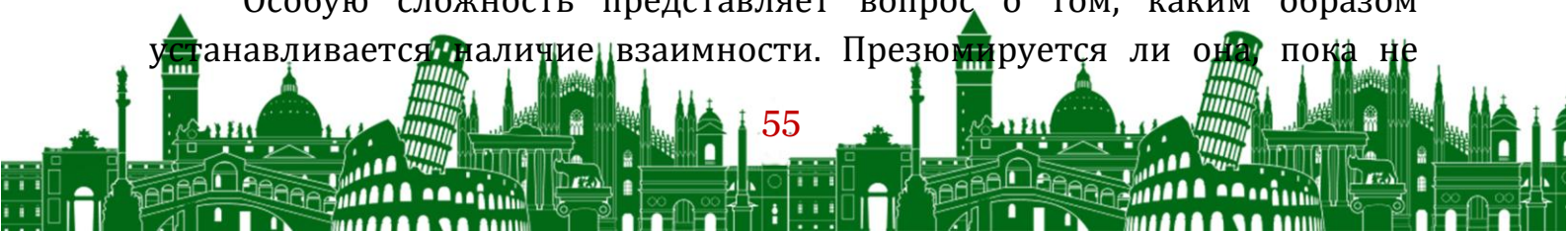
<https://doi.org/10.5281/zenodo.20640010>

Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений представляет собой один из центральных институтов международного гражданского процесса, в котором особенно остро проявляется противоречие между суверенитетом государства и потребностями трансграничного гражданского оборота. Вынесенное в одном государстве решение само по себе не порождает правовых последствий на территории другого государства: для этого необходима специальная процедура, условия которой определяются национальным правом и международными договорами. Одним из ключевых и наиболее дискуссионных условий традиционно выступает принцип взаимности.

Под взаимностью в данном контексте понимается готовность одного государства признавать решения судов другого государства при условии, что последнее на тех же началах признаёт решения первого. Исторически оговорка о взаимности служила инструментом обеспечения эквивалентности взаимных уступок государств в сфере осуществления правосудия и получила широкое распространение в законодательстве ряда стран в XIX–XX вв. Вместе с тем содержание данного принципа и его роль как самостоятельного основания для исполнения иностранных решений до сих пор не имеют единообразного решения ни в доктрине, ни в правоприменительной практике.

В науке международного частного права сложились два основных подхода к роли взаимности. Согласно первому, исполнение иностранного судебного решения допустимо исключительно при наличии международного договора, а взаимность рассматривается как составная часть договорного механизма. Согласно второму подходу, взаимность может выступать самостоятельным основанием признания и в отсутствие договора — при условии, что в государстве происхождения решения фактически исполняются решения судов соответствующего государства. Первый подход обеспечивает правовую определённость, однако сужает сферу исполнимости решений; второй расширяет возможности взыскателя, но порождает проблему доказывания факта взаимности и риск её произвольной оценки правоприменителем.

Особую сложность представляет вопрос о том, каким образом устанавливается наличие взаимности. Презюмируется ли она пока не

доказано обратное, или, напротив, должна быть доказана заинтересованной стороной? Различные правовые порядки отвечают на этот вопрос неодинаково, что создаёт неопределённость для участников трансграничных отношений и снижает предсказуемость исполнения. Отсутствие чётких критериев установления взаимности нередко превращает её из действенной гарантии в формальное препятствие на пути к защите нарушенного права.

В правовых порядках государств постсоветского пространства доминирующим основанием признания и исполнения иностранных судебных решений остаётся международный договор. Республика Узбекистан исполняет иностранные судебные решения на основании многосторонних и двусторонних соглашений, в числе которых Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993) и Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 1992). Процессуальный порядок признания определяется национальным законодательством, в частности нормами Экономического процессуального кодекса, устанавливающими перечень оснований для отказа и сроки рассмотрения соответствующих ходатайств. В этих условиях принцип взаимности проявляется преимущественно опосредованно — через систему договорных обязательств, а не как автономное основание.

Современная тенденция состоит в постепенном отходе от индивидуальной оценки взаимности в пользу унифицированных многосторонних механизмов. Наиболее значимым примером служит Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам (Гаага, 2019), вступившая в силу 1 сентября 2023 г. и действующая для государств Европейского союза (кроме Дании), Украины, Уругвая, Соединённого Королевства и ряда других государств. Конвенция закрепляет закрытый перечень оснований для отказа в признании — в их числе ненадлежащее извещение ответчика, получение решения путём обмана, явное противоречие публичному порядку и несовместимость с другим решением — и тем самым заменяет неопределённую оценку взаимности предсказуемой системой согласованных правил. Вместе с тем предусмотренный Конвенцией механизм, позволяющий государству заявить о неприменении её положений в отношениях с присоединившимся

государством, показывает, что элемент взаимности не устраняется полностью, а трансформируется.

Таким образом, принцип взаимности в институте признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений переживает переосмысление. Сохраняя значение как выражение суверенного равенства государств, он постепенно уступает место договорным и конвенционным механизмам, обеспечивающим большую правовую определённость. Перспективным направлением развития представляется не отказ от взаимности как таковой, а её институционализация через многосторонние договоры, в рамках которых взаимность выступает не препятствием, а согласованной основой международного сотрудничества в сфере правосудия. Для государств, не участвующих в подобных конвенциях, актуальной задачей остаётся выработка ясных законодательных критериев установления взаимности, способных обеспечить баланс между защитой национального правопорядка и интересами участников трансграничного гражданского оборота.

